

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Института всеобщей истории РАН

доктор исторических наук

М.А. Липкин

«21» сентября 2016 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ – ИВИ РАН

на диссертацию Кудрина Егора Ивановича «Надзирательницы национал-социалистических концентрационных лагерей: социально- антропологическое измерение», представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Характеризуя представленное Е.И. Кудриным исследование, прежде всего следует отметить его актуальность. Она определяется прежде всего обострением политической и научной полемики вокруг решений Нюрнбергского трибунала и последующих акций по розыску и наказанию нацистских преступников «низшего звена», полемики, в ходе которой имеют место попытки реабилитации если не нацистского режима в целом, то, по крайней мере, отдельных аспектов его идеологии и практики, а также отдельных групп и категорий его функционеров. В политическом аспекте для российского общества имеется определенный барьер против этих попыток в виде принятого Государственной думой федерального закона от 5 мая 2014 года (на чем сам диссертант обоснованно заостряет внимание- см. с. 4), но в научном плане налицо явный дефицит в выработке соответствующего «противоядия». Работа диссертанта представляет существенный вклад в преодоление указанного дефицита.

Для решения поставленных диссертантом целей и задач исследования привлечен богатый, можно сказать, уникальный по широте охвата источниковый материал из более чем 20 архивов России, Германии, Австрии, Польши, Чехии, Великобритании и США. Особый интерес представляют следственные материалы по делам нацистских преступниц из лагерного персонала (как правило, речь идет о протоколах их допросов), а также документы последовавших против них судебных процессов. Автор не ограничился изучением доступного ему массива архивных первоисточников, прибегнув к такой нестандартной и мало распространенной в нашей стране практике, как посылка запросов в компетентные органы на предмет

поиска и рассекречивания документов, по тем или иным причинам оказавшихся в его поле зрения. Опыт оказался удачным, и диссертант получил, в частности, достаточно содержательную информацию из архивной службы ФСБ РФ (см. с. 236), что, кстати, несколько релятивирует его тезис о «недоступности» для исследователя соответствующих документов (с. 238). Как бы то ни было, работа диссертанта по поиску и анализу весьма сложных по своему характеру первоисточников заслуживает самой высокой оценки.

Автор использует широкий круг исследовательской литературы по рассматриваемой проблеме, в основном, немецко- и англоязычной. Меньше внимания он уделил трудам российских исследователей. С ним, разумеется, можно согласиться в том, что данная тематика для отечественной историографии сравнительно новая и малоизученная, но все же вклад его коллег, ее разрабатывающих, заслуживает, как представляется, более глубокого анализа.

Структура диссертации адекватно отражает концептуальные установки ее автора. В *Первой* главе раскрывается процесс формирования и развития института женщин-надзирательниц в системе нацистских концлагерей. Автор выделяет два этапа в этом процессе: первый - с 1938 по 1943 и второй - с 1943 по 1945 гг., определяя в качестве критерия принцип комплектации кадрового состава данного контингента – добровольческий на первом этапе и принудительно-мобилизационный – на втором. С этим критерием можно согласиться, однако, на наш взгляд, в периодизации следовало бы выделить и рубеж 1939-1941 годов, когда с началом второй мировой войны и нападением на СССР произошел резкий количественный и качественный скачок в лагерной империи СС. Именно с этого рубежа начался резкий рост узников и узниц концлагерей и соответственно – резко выросла потребность в увеличении числа надзирателей и надзирательниц, потребность, которая уже не могла покрываться на основе добровольного набора. В 1943 году, с объявлением «тотальной войны» эта практика получила формальную санкцию в виде упомянутого автором указа от 27 января 1943 г. С этого момента можно говорить о начале нового этапа в формировании надзирательского корпуса – но не второго, как считает диссертант, а скорее третьего. Впрочем, вопросы периодизации традиционно принадлежат к категории наиболее дискуссионных.

Что касается фактического наполнения соответствующих разделов главы, то здесь почвы для дискуссии гораздо меньше. Автор, скрупулезно исследуя разнообразный источниковый материал, приходит к выводам, новизна и релевантность которых очевидны. Это относится и к более значимым проблемам,

например, касательно общей численности женского надзирательского корпуса (с. 41, 260), и к тем, которые можно считать узко специальными и, откровенно говоря, далеко не первостепенными (типа: когда начался «учебный процесс» у надзирательниц в лагере Равенсбрюк; оказывается не в марте 1942-го, как считалось ранее, а в декабре 1941 г. – см. с. 107). Возможно, автор проявляет излишнюю категоричность, когда в первом случае приводит цифру с точностью до последнего знака (4297 человек); коль скоро речь идет о столь многочисленной и разветвленной системе, которую представляла собой лагерная империя третьего рейха, такая точность вряд ли достижима, однако как ориентир приведенный количественный параметр вряд ли далеко расходится с реальностью. В этой главе диссертант в наибольшей степени проявляет качества вдумчивого и плодотворного аналитика.

Во *второй* главе диссертации ее автор предпринял попытку исследовать мотивационные, поведенческие и ментально-психологические аспекты преступной деятельности различных представительниц нацистского надзирательского корпуса. Изложение представляет собой мозаику отдельных «casestudies» и теоретических обобщений, исходящих не столько от самого автора, сколько от признанных авторитетов в изучении феномена тоталитарного насилия – В. Зофски, Х.С. Кельмана, М. Манна и др. (см., в частности, с. 185-193). Диссертант достаточно точно воспроизводит основные положения их концепций, но его собственное отношение к ним остается, в большинстве случаев, неясным, а некоторые из высказываемых им собственных тезисов представляются весьма спорными.

В *третьей* главе Е.И. Кудрин ставит и в целом успешно решает весьма значимую в научном и политическом отношении задачу – проследить послевоенные судьбы бывших надзирательниц нацистских лагерей. Автор корректно воспроизводит сложные перипетии процессов их розыска, сбора и представления доказательств их преступной деятельности, судебных процедур и вынесения приговоров по открытым (а порой неоднократно открывавшимся) против них делам. Четко и убедительно показана связь этих сложностей с феноменами начавшейся холодной войны и раскола Германии. Изложение доводится буквально до наших дней – конкретно до декабря 2013 года, когда в ФРГ было заявлено о намерении открыть и/или возобновить дела против трех еще оставшихся в живых представителей женского лагерного персонала Освенцима (с. 257-258). Такая сопряженность истории и современности представляет собой бесспорное достоинство диссертации и столь же бесспорную заслугу ее автора.

Большой интерес представляют приложенные к основному тексту таблицы, показывающие количественные аспекты рассмотренных в работе процессов и феноменов, а также подобранный автором иллюстративный материал.

Работа может быть использована при чтении спецкурсов по гендерной истории, истории Германии и международных отношений. Она представит интерес для практических работников – дипломатов, юристов, представителей СМИ.

Как уже отмечалось, в работе содержатся некоторые недостатки и спорные моменты, на которых имеет смысл остановиться подробнее.

Основное замечание касается трактовки автором проблемы личной ответственности за свои действия представителей рассматриваемой в диссертации группы функционеров фашистского режима – проблемы, которая рассматривается, в основном, в главе 2-й представленной работы. В свое время западногерманские юристы, выступавшие на процессах по делам лиц этой категории, разработали весьма хитроумную, хотя и внутренне противоречивую линию их защиты. С одной стороны, утверждалось, что в условиях тоталитарного режима отдельный индивид «объективно» был «вынужден» следовать предписываемым властью нормам поведения, включавшим в себя физическое насилие и крайнюю жестокость к «врагам рейха». С другой стороны, проводилась та идея, что даже в той тоталитарной системе, которую представлял собой национал-социализм, действовали определенные этические и правовые нормы, исключавшие произвол и ограничивавшие насилие, так что имевшие место «эксцессы» были следствием личных садистских склонностей отдельных немногочисленных функционеров, за которые подавляющее большинство последних (к которому, разумеется, причислялся каждый конкретный подзащитный) не несет никакой ответственности. Западногерманская Фемида охотно воспринимала эту псевдоаргументацию. К сожалению, она в какой-то мере оказала, видимо, влияние и на диссертанта. Приведем несколько цитат: «...надзирательницы были *вынуждены* (курсив наш – А.Ф.) прибегать к невербальным формам принуждения к труду» (с. 165); «*объективная* (курсив наш- А.Ф.) невозможность навести порядок в подчиненном ей (надзирательнице – А.Ф.) бараке привела к широкому использованию силовых форм решения проблемы» (с. 167-168); «согласно лагерному распорядку, ... нам строго запрещалось бить заключенных» (высказывание одной из надзирательниц, см. с. 193); «руководитель каждой группы (речь идет о начальнике конвоя, сопровождавшего заключенных в ходе «марша смерти», т.е. пешей эвакуации из одного лагеря в другой- А.Ф.) должен был следить и инструктировать

подчиненных воздерживаться от использования огнестрельного оружия. На практике этого не происходило» (с. 245). Нетрудно видеть, что первая и вторая цитаты вполне совместимы с первым вариантом оправдания нацистских преступлений, а третья и четвертая – со вторым его вариантом. Что касается упомянутого «марша смерти», имевшего место на территории тогдашней Чехословакии в апреле – начале мая 1945 года, диссертант корректно отмечает, что из 1500 узников до пункта назначения дошли только 230, однако считает нужным добавить: «современные исследования свидетельствуют, что эта цифра (имеется в виду число погибших во время марша – А.Ф.) была значительно преувеличена» (там же). Между прочим, довод о «преувеличении» жертв нацистского произвола также часто приводился и в западногерманских судах, и в апологетической историографии. Странно встретить его у российского историка, тем более, что никаких ссылок на какие-либо конкретные «современные исследования» им не приводится!

Еще одно замечание: автор выражает удивление тем фактом, что в течение 11 лет, с 1955 года по 1966-й, в ГДР не прошло ни одного судебного процесса против женщин-надзирательниц, и в качестве возможного объяснения приводит факт создания в ФРГ (в 1958 году) Ведомства по расследования нацистских преступлений (с. 248-249). Логика этой аргументации неясна; скорее всего отсутствие судебных преследований надзирательниц-гражданок ГДР в указанный период объяснялось гораздо проще: подавляющее их большинство уже понесло заслуженное наказание, а когда удалось обнаружить нескольких скрывавших свое прошлое, тогда они и были привлечены к ответственности. Само по себе создание в западногерманском Людвигсбурге упомянутого Ведомства было позитивным явлением, однако ставить его на одну доску с Нюрнбергским трибуналом («Людвигсбург является аналогом Нюрнберга») – это явное преувеличение. Даже с чисто формальной точки зрения данное сопоставление некорректно, поскольку Людвигсбургское ведомство не обладало судебными полномочиями.

Наконец, уместно конкретизировать приведенное выше замечание относительно характеристики автором состояния изучения темы в современной российской историографии. Им упомянуты исследования воронежского историка С.В.Аристовой, однако стоило бы, во –первых, более подробно на них остановиться, а во-вторых, отметить роль его наставницы – Н.П. Тимофеевой, создавшей целую школу молодых ученых, внесших уже значительный вклад в исследование истории нацистских концлагерей.

Приведенные замечания не снижают оценки основного содержания работы, признания большой работы, проделанной автором по изучению избранной им важной и ответственной темы. Автореферат и опубликованные работы автора достаточно полно отражают содержание диссертации.

Диссертация Кудрина Егора Ивановича представляет собой квалификационное, самостоятельное, завершённое исследование, в котором решена актуальная задача, имеющая важное научно-познавательное и практическое значение. Диссертация «Надзирательницы национал-социалистических концентрационных лагерей: социально- антропологическое измерение» отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Кудрин Егор Иванович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором Алексеем Митрофановичем Филитовым.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании Центра истории международных отношений ИВИ РАН. Протокол № 4 от 21 сентября 2016 г.

Руководитель

Центра истории международных отношений ИВИ РАН
академик РАН

Александр Оганович Чубарьян

Подпись
удостоверяю:
Заведующий отделом кадров
ИВИ РАН

ФГБУН Институт всеобщей истории РАН. Адрес: 119334, Москва, Ленинский просп. 32а. e-mail: dir@igh.ru телефон: (495)938-10-09, факс: (495)938-22-88.
Директор: д.и.н., проф. РАН, Липкин М.А.